

Любовь под маками

«Романтизм» – любимое слово французского хореографа Клода Брюмашона

Независимая
2003-74 окт. С. 7

Майя Крылова

Клод Брюмашон в молодости учился живописи и рисовать любил главным образом человеческое тело и его части: руки, ноги, туловища. Интерес к движению в живописи перерос в исследование движения в танце. Такое же рисование, только не карандашом и кистью, а приемом «тело рисует тело», хореограф применил в балете «Дикие маки», показанном в рамках Международного хореографического фестиваля современного танца DanceInversions. Судя по «Макам», любимые художники Брюмашона – экзальтированные мастера, смешивавшие краски в стиле «бури и натиска»: от Тинторетто до Поллока. На сцене «Новой оперы» девять танцовщиков в одеждах всех времен и народов раз за разом раскручивали то, что французы называют «маленькая смерть» – танец, похожий на половой акт: нарастание эмоций, выплеск энергии, дерганный экстаз и последующее чувство удовлетворенного спокойствия. Отдаваясь телесным судорогам, исполнители кричали, как голодный павлин, и шипели, словно рассерженные кошки. Квадрат сценической площадки, усыпанной лепестками маков, стал преодолемым барьером для тех, кто с силой стучал пятками об пол, сцепленными кистями бил себя по коленям, вводяливо проводил пальцами по голому животу, пытался выдернуть предплечье из плеча и выворачивал руки запястьями наружу. В «Диких маках» объятия похожи на драку, а ласка выражена в попирании ногами крестца партнера. Этот балет – танство осознания, европейски понимаемая «Камасутра», наслаждение с садомазохизмом. И современное танцевальное барокко: искусственно взвинченная и потому рациональная попытка выныкнуть в остервене-

лость души и тела, которую любовь называет страстью.

Клод Брюмашон рассказал обозревателю «НГ» о своем спектакле. В беседе принял участие Бенжамен Ламарш – ассистент хореографа и его ведущий танцовщик.

– Господин Брюмашон, название вашего балета «Дикие маки» допускает много толкований. Его связывают с искусственным расширением сознания.

– Мак – цветок, который ни в коем случае нельзя собирать, делать букет. Маки не бывают домашними, тут же вянут, они живут только дикими, в поле. Это символ свободы любви, о которой поставлен балет. Мы обратились к великим романтикам девятнадцатого века. Думая о таких людях, как Рембо и Верлен, нельзя не вспомнить, что они не обходились без маков, без производного от них. Еще: если вы увидите поле, сплошь покрытое маками, это вызовет ассоциации с каплями крови. Кроме того, лепесток мака очень тонкий, и можно говорить также об идее прозрачности. Вот сколько ассоциаций.

– Судя по хореографии, любовь для вас – мучительный поединок...

– В этом балете – да. Если снова вспомнить о великих романтиках, то любовное чувство для них – что-то внезапное, стремительное, короткое по времени, бурное и болезненное. Тому много примеров – Роден и Камилла Клодель, Мюссе и Жорж Санд... При этом мне не хотелось делать спектакль о реально существовавших людях. Балет – зеркало, которое странно деформирует то, что было на самом деле. Важно, чтобы каждый зритель интерпретировал увиденное по-своему, нашел свою собственную мечту.

– Музыка Бетховена часто ассоциируется с патетикой или революцией. Вы же взяли ее для балета о любви...

– Бетховенские мотивы тревоги, бурных страстей очень созвучны «Диким макам». При слове «романтизм» у человека сегодня возникает образ чего-то идеального, возвышенного над миром, а на самом деле романтики – это люди, откликавшиеся на все социальные потрясения. Жорж Санд, например, была первой феминисткой, Рембо участвовал в Парижской коммуне, Делакруа – вспомните хотя бы его картину «Свобода на баррикадах».

– Кажется, «романтизм» – ваше любимое слово. Однако сегодня оно не в чести у большинства ваших коллег...

Ламарш: В том-то и дело, что современные хореографы стараются не произносить это слово, потому что оно ассоциируется с совершенно определенной формой танца, с классической хореографией. Мы говорим о другом искусстве, не имеющем ничего общего со сладостью.

Брюмашон: Я процитирую трагическую фразу одного из романтиков: «Я утром просыпаюсь и думаю, что вечером, возможно, умру». Меня всегда интересовали мощные потоки движений, которые в какой-то момент обрываются. Ставя этот балет, я думал о сиюминутности жизни.

– Ваши танцовщики как будто стремятся вырваться из самих себя. Как достигается такое качество исполнения?

Ламарш: Для исполнителя «Диких маков» главное – не играть, не пытаться изобразить кого-то. Должно быть полное внимание танцовщика к хореографу. Их теснейший контакт можно сравнить с тем, как двое катаются на лошадях. Здесь не такая ситуация, когда один всадник на прекрасном скакуне, а другой – на ослике. Это равные люди, они скачут рядом, и когда у одного поворот, другой тут же следует за ним.